

НИДЖАТ
МАМЕДОВ

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

МЕСТО ВСТРЕЧИ ПОВСЮДУ

Ниджат Мамедов

**Место встречи повсюду.
Стихотворения, эссе, интервью.**

НП «Центр современной литературы»

Мамедов Н.

Место встречи повсюду. Стихотворения, эссе, интервью. /
Н. Мамедов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-128-7

Ниджат Мамедов родился в 1982 году. Окончил филологический факультет Бакинского государственного университета. Автор книг «Струение. Ахп. Streaming» (2010), «Карта языка» (2010), а также мультимедийного гипертекста «Прогулка» (2013). Участник 2-ого Международного Русско-Грузинского Поэтического фестиваля (2008) и Ташкентского Открытого Фестиваля Поэзии (2008). Лауреат Премии Фонда Ельцина за лучший перевод на русский язык (2007). Стихи, проза и переводы публиковались в журналах «НЛО», «Новая юность», «Интерпоэзия», «Гвидеон», «Дружба народов», «Дети Ра», «Арион», электронных изданиях «Textonly», «Припоминающийся дом» и др.

ISBN 978-5-91627-128-7

© Мамедов Н.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Непрерывность	6
1.	6
2.	7
3.	8
4.	9
5.	10
6.	11
7.	12
8.	13
9.	14
10.	15
11.	16
12.	17
13.	18
14.	19
15.	20
16.	21
17.	22
18.	23
19.	24
20.	25
Место встречи повсюду	26
Ricerca5	26
Письмо Ларисе	32
Одно из многих	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ниджат Мамедов

Место встречи повсюду.

Стихотворения, эссе, интервью

«Ниджат Мамедов является автором совершенно уникальным. С одной стороны, он писатель абсолютно европейского склада – по причине не столько своей билингвистичности, – ибо его в языке интересуют не только русские смыслы: его сфера интересов – преломление европейского смысла через призму русского языка. С другой стороны, влияние культуры Востока – Азербайджана, Персии, Турции – на его писательский состав души неизбежно и огромно – не только по самой причине происхождения, но и потому, что на Востоке поэт всегда более сакральная фигура, чем в Европе».

Александр Иличевский

«В кавказском хоре обильных верлибров голос Ниджата Мамедова крайне одинок и не имеет окрест никаких сходств. С ним, по сути, не знались ни изоцренная лаконичность в духе Ылгыза и Вели, ни странная до сих пор читаемость дидактического боления, ни эхо змеистых стилей, норовящих просочиться в какой-нибудь постмодернистский благовест, как если б они освободили ему наперед лишь узкую протяженность космополитичного энтузиазма. Тем лучше».

Шамшад Абдуллаев

Непрерывность

1.

«Когда древний мелос разрыхляет почву...»

Когда древний мелос разрыхляет почву
и зрачок поглощает
местность авраамовой саранчи
под одинаковым небом, оставляя нули камня
как «а» предыдущего слова, и
утопленная утопия
мерцает в «затрудняюсь продолжить»,
но радость танца
есть радость танца в песке.
Есть «есть», как уже говорилось, возможно,
в пепле волос, возможно, в девятке глазниц.
Прости, если делаю больно: оставляя логос в покое в ветреный
полдень,
обретаю способность сказать/написать – не только
здесь и сейчас и не только тебе:
ничто не заменит шаг
к отсутствующему. И ничто не заменит Ничто.

2.

«Возможно, следует просить прощения за такие вещи...»

Возможно, следует просить прощения за такие вещи.

Как же иначе – ведь оно (и Оно?)

из сухой звонкой глины, обдуваемой ветром, пустой
изнутри и снаружи.

Не знаю, «не знает», они Не Знают.

Не отбрасывать тени, не отражаться —
вот чего хочется.

Удастся ли стать явностью, которая могла бы
идти/прийти к чужому, пить только воду, не спать ночами,
разобраться и т.д.?

«Der Schrift kristallisiert das Mannigfaltige;
sie macht es begreiflich, bringt es in Griff»¹ —

пишется и по этой причине.

«Мы не обладаем знанием» (цитата из «Трапезы», 109, урезана,
чтоб меньше звенела).

И верить ли, что между молчанием и незнанием о Знании
честнее плести точную чепуху, чем приблизительный текст?

¹ «Текст упрощает сложное, делает его более понятным и доступным пониманию». Эрнст Юнгер, «Годы оккупации».

3.

«Невозможность начала – одно из лучших начал...»

Невозможность начала – одно из лучших начал.
То, что не имеет названия
притаилось в уголках твоих губ, глубокой тени ресниц, матовой
коже,
готовое в любую секунду встрепенуться, как плод
в матке матери, как дух, пронзивший материю.
Для любящих поэзию не стоит вопрос о верлибре.
Утвердительный тон этих строк не есть желание
схватить ускользающее, он – очередной колышек
на пути приближения к исходной точке, которой,
о нива моя!, не существует.
Посему нам остаются обод взгляда, мелкие жесты,
бытовой скептицизм, ставка на случай
и перечни. Последнее превращает перст в персть,
плоть в плот, несомый ленивым
течением кажимости.
Трепет. Тишина и терпкость, будто
послеполуденное солнце перекачивается в венах,
«и наслажденье писать —
лишь тень наслажденья былого».

4.

«Начать с “с чего начать?”, чтобы продолжить...»

Начать с «с чего начать?», чтобы продолжить
(возможно, предложение не согласовано).

Далее одно из трех 1. ветер как ветер

2. куда бы ты ни обернулся

3. дерево

Выбрать второе. Ведь куда бы ты ни обернулся, там будет

«будь» – дерево, камень, мягкая,

смесь эроса и земли, женщина, чьи сгущенные губы

напоминают зар² в сухой ладони

за миг перед ленивым броском в знойный полдень.

«Сдвиг кажется резким из-за малого производства

и больших застоев» или давай сделаем вид,

что этого не было, но муравей пересекает страницу,

где его я не вмещается в знак.

Безмолвно скользя, сохранить непрерывность. Ветер как ветер.

² Игральные кости.

5.

«Месяц дозревания горы. Старик...»

Месяц дозревания горы. Старик,
накрытый тенью листвы, – будто глубоководное чудовище
выплеснуто на берег собственным выдохом, —
напевает вязнущие в зное слова:
полная серьезность.
Гора— азерб., неспелый виноград, и
одинокая птица, промельк оставив между левым виском
и черствым облаком,
мгновенье спустя, в надкрышье соседского дома
опознаётся в удода.
Безветрие детских рубашек
на бельевой веревке, персик
в протянутой руке сестры.
«Мир» место контаминаций, а мир – «когда-нибудь мы
поймем, что знали друг о друге».
Этого достаточно.

6.

«Не падает чашка, чтоб на два осколка...»

Ларисе Дабижэ

Не падает чашка, чтоб на два осколка
разбить тишину меж собой и собой. Двигается лишний
испуг балконного голубя после чтения вещи
бильского безумца, который со временем принял другие формы.
Деревья внизу тоже никнут к иным названьям – идет дождь (как
растягивание ударной гласной в твоём имени через
три недели и море. Так глядят на расстоянии, входя в
состояние.) и дождь собирается идти весь день.
Значит, пить чай, курить, вспоминать
смеющийся пепел цветка и карее солнце
в крыльях мертвой пчелы. Чашка продолжает не падать.
Смотреть на тебя
пока ты смотришь на вершину заснеженных гор
сквозь свое ташкентское отражение.
Вращение. Прекращение.

7.

«Все знают нечто о Ничто...»

Все знают нечто о Ничто.

Меня интересует не женщина, – думает он, – а переход в иное сквозь женщину; но она подбирает кленовый лист, гладкий с одной, бархатистый с другой стороны, существующий. И он каждой клеткой своего «тела, обходящегося без философии» (Пруст) ощущает реальность между собственной мыслью и ее жестом.

Это претворяется в расстояние от чтения до понимания или притворяется этим расстоянием, и четкое как самцовый нерв приближение смерти к левой ладони дарит спокойствие, освобождение от жажды освобождения.

Попытка рывка, но не двигаться позволив тем самым искомому сделать шаг навстречу со всех сторон.

Сужение кольца, прогрессия удела молчанья, без инъекции имени в мнимое завершение.

8.

«Зима. И солнце позволяет взгляд в упор...»

Зима. И солнце позволяет взгляд в упор,
в отличие от ветра,
от ветра и «ветра» нужного в предыдущей и этой строке.
Когда уже не скрошиться в одно
остается приложить прилагательное к влаге,
междометие к межножью.
Цензура цезуры. Нечет Ничто.
Случайное – лучшее продолжение. Из наугад раскрытого:
«Цитата – не есть цитата. Цитата – это цикада».
Проходить мимо стихотворения (мнимости),
отбрасывая тяжелую тень слова, и, говоря «я»,
прекрасно иметь в виду лишь литературу.
Предпочитать движение, в конце которого —
начало, затем середина.
Зима. Тусклое солнце. Ночь без цикад.

9.

«Закат. Гилавар и дрожь базилика. У низкой стены...»

Шамшаду Абдуллаеву

Закат. Гилавар³ и дрожь базилика. У низкой стены
смуглый старик перебирает четки. Он
отличается лишь эфемерным именем от смерти. В нем,
в его небритом молчании звучит трехголосие: смех первой
женщины,
последние слова бродяги из Шарлевиля и гул крови,
гул медленной крови, гул медленной ровной крови.
К нему приближаются двое сутулых мужчин, наверно, закурить.
Потом все трое уходят.
Улица пахнет пылью и детской бегогней
(возможно, это чужая фраза) в теле объявленного ветра —
зигзаг в зигзаге; и все еще пульсирует минута,
когда старик был наедине с собой.
Блатная окраина (тут для предотвращения инерции
требуется какой-то иной, несуществующий знак
препинания, замененный самим
этим предложением), тебе бы понравилось.

³ Моряна (южный ветер на юго-западе Каспийского моря).

10.

«Возможно, его первое воспоминание...»

Возможно, его первое воспоминание: он тогда еще жил в отцовском доме, ему года 3, не больше. Взобравшись на стол у окна, с мотком нитки в руках, обвязывает оконные затворы ниткой и начинает поднимать-опускать их, долго, увлеченно; следит за наклоном нитки. Он уверен, что производит нечто очень важное, значимое, что творит мир.

Это как:

огромный подавленный воздух где воображение убеждается в легкой зазубрине восемнадцати ответвлений когда заскоружные вскрики отчетливо пробудили никого за длинной перспективой полосы радостного содрогания в церемонии восприятия и труден миг предполагающий далекое нетерпение но разрыв уже давно отталкивал рассеяние ресниц но бессекретная близость божественно безразлична по крайней мере в обещании смутной возможности умиротворяющей темень пристальности перед трепетом предела у затянувшейся раны потому что единение слишком мало соприкасается с тишиной открывшихся глаз и навстречу с наименованием места известны ровные пряди волос еще ближе почти сливаясь на расстоянии напряжения слуха в равнинное надеяние

11. «Потом другое/другие. Листья хартута...»

Саиду Гани

Потом другое/другие. Листья хартута,
скорбноволосяе девушки (они в сговоре с собственной
смуглостью?).

Облака и безразличие, хотя Оно
распахивает внезапно объятия,
и индевет лицо, будто прикасаешься к собственной слабости,
оставаясь при этом суровым.

Почему-то строки из письма: «с завтрашнего дня объявлена
забастовка почтовых служащих».

Облака, вероятно, чтоб избежать симметрии, но
обретать ноль, жаждущий принять разные оттенки.

Шорох листвы; словно слышится твой чаемый голос: все эти
деревья,

эти страшные черты подобны птичьим следам в южном небе,
когда вслушиваешься ртом в раковину молчания.

(Имя – место очередного схождения.)

За нашими реками одно сплошное море,
внутри которого море
внутри моря.

12. «Запах влажной земли...»

Запах влажной земли.
Октябрь прежде всего в
коже запястий
и сгибе локтей.
Птица парит над поселком.
Голоса в отдалении: женщина, мужчина, женщина.
Вкус тутового варенья...
и непрерывность светлокаштановых, темнокаштановых
чуть широких прямых бровей тюркских девственниц.

13.

«Итак, неизменно начало...»

Итак, неизменно начало:

«что» вычитая из чтения получаем тень,

получаем майских

низких птиц, взлетающих в небо.

Диагональ их прекрасна.

«Когда вспоминаю тебя,

хочется пальцами по губам,

ладонями по впадинам. Пойму или поймаю – всё то же,

но ускользает».

Что время проделывает с лицом, лицами? —

превращает? нет, возвращает

«я» в «оно».

Из трещин растёт трава, ветвятся ответы

и в предлетней прохладе

меркнет немой полуостров, магриттовский образ.

14.

«Всегда в другом смысле. Апокатастасис...»

Всегда в другом смысле. Апокатастасис
[пробел в тексте]. Сравнения запаздывают, хотя
поэзия продолжает поэзию, как сыны Мёвляны
сны Шамса, семенами павшие за
закрытые веки
миндалеющих глаз твоих.
Смотри же далее... Где слышится:
О кротких потомок, откликнись на Зов!
Но что скажет
«мой народ с мясницкими ножами»?
(Он уместился целиком в единой фразе.)
Мир истолкован. Ожидание длится.
Другими словами: пустыня
внутри, пустыня снаружи.
Gəl mənə bənd ol⁴.

⁴ Приди и влюбись в меня (азерб.).

15.

«Предел интерпретаций. Проекция...»

Предел интерпретаций. Проекция
уловлены и отозваны назад. Является ли молчание
частью символического обмена?
Солнечные боги,
умирающие до или после тридцати. Отцы,
обреченные на мудрость и
отцы, обреченные на брешь
между мудростью и опытом.
И те, и другие —
узники собственной святости. «Сестра моя – запертый сад», твои
лодыжки, ступни, запястья сочатся
бесконечным чтением
покуда вне материнского логова, вне воскресения
мандала тает
на запотевшем оконном стекле.

16.

«впадают реки в океан...»

Извлечения из влечения к J.B.

впадают реки в океан
огромность чью не исчерпает взгляд
в нем плавает в покое мир

Аязу Гамбарли

17.

«Смотреть и говорить или...»

Смотреть и говорить или
видеть, но не вымолвить и слова?
Ни да, ни нет?! Nida. Восклицательный знак.

.....
«Это как увидеть собственное лицо, когда
ничего не понимаешь», – сказал он, размышляя о
центре, об именах центра.

.....
[Попросили выйти за хлебом, купить еще зелени, затем
перетащить стол... Что проникает
таким образом в текст?]

.....
«Но я верю в пятнадцатый камень», – добавил он после.
...If you say so – смысл всегда будет придан...
Грамматика + этика = ədəbiyyat

.....
.....
«Почему я так часто смотрюсь в зеркало?», —
сказала она после первого раза, обнаженная, смотрясь в свое
отражение.

Спрашивай у мертвых. Они вне практики. Они созерцают
нас сквозь колодец солнца.

.....
Однако, дата ставит всё под сомнение.

.....
Много сплю, «поскольку основания снам нет». В остальное время
читаю.

18.

«Впрочем, с любого места...»

Впрочем, с любого места:
снег и
запах бессонницы.
Вино было в меру сухим, ты —
в меру влажна.
Теперь между нами пыль и прах,
соль на наших губах.
Взмах ресниц
и распахиваешь окно,
протягиваешь ладони, сложив их вместе
в молитвенном жесте.
Хлопья снега летают и тают в лабиринте
на подушечках твоих пальцев.

19.

«Чертежи облаков, шепот дождя близко...»

Софико Чиаурели

Чертежи облаков, шепот дождя близко.
На веранде, курю.
Мнится: «раскрыт как книга».
Да, те незабвенные кадры, когда
крыша и ветер и мальчик,
потом взгляд к раковине, потом – к груди,
типа «вижу, значит живу».
Северо-западный здесь
(ни цапли, ни сокола), странствует
в листьях. Дождь наполнит колодец.
Колодец напоит дождь.
Мальчиком женщины из села
водили на кладбище «вылить переполох»
к могиле святого (забит до смерти).
Теперь ни женщин, ни страха.
Закуриваю следующую.

20.

«За рюмкой текилы с друзьями...»

За рюмкой текилы с друзьями
обмолвился: каждый в любой момент
может написать гениальное стихотворение.
Вот почему сейчас я пишу это,
еще не зная, чем оно завершится, хотя
является ли завершение стихотворения
Завершением (с заглавной буквы),
и начало – Началом?
Мы просто пьем, говорим, греемся. Мы в середине зимы и просто
в середине. За окном бара стужа, а нам здесь тепло и мы —
друзья. Разве этого мало?
Замечу: это стихотворение абсолютно бездарно,
оно никакое.
Что и требовалось доказать.
Точнее, показать.
Доказывать нечего. И некому. Может, только себе.

Место встречи повсюду

Ricerca⁵

–9.

Непроизносимость первой буквы, первого слога, первого слова.
Тоска по истоку.

–8.

Вместо выражения «мое творчество» он предпочитал пользоваться выражением «мои сочинения».

«"Сочинение", – думал он, – хорошее слово, состоит в кровнородственных отношениях с "починить". Я не творец, я сочинитель – тот, кто склеивает распавшиеся фрагменты, сломанные черепки». Он необычайно обрадовался, когда нашел следующие строки: «незачем соревноваться, когда следует только вернуть, что утрачено, и найдено, и утрачено снова и снова – в наши дни, когда все осложнилось».

Швират га-келим. Тикун⁶.

–7.

О прекрасная тюрчанка!, ты столь боженственна, что я могу подарить тебе лишь зеркало.

–6.

Древнегреческое «Познай самого себя». Как это возможно, если понимать под «познанием» то, чему предался Адам с Евой? Вероятно, речь идет о движении от гермафродитизма⁷ к андрогинности⁸. «Женись и всё пройдет», – говорят обычно на Востоке молодому человеку, дезориентированному в тех либо иных своих поисках. Если применить к данному высказыванию принцип «всегда-в-другом-смысле», станет очевидно, что имеется в виду установление связи с Анимой, интеграция феминности. «Суфий приобщается к Богу через свою женщину». Или же сходная концепция в даосизме: «Познай мужественность, но предпочти женственность, и ты сделаешься руслом Мира. Когда ты сделаешься руслом Мира, высшее дэ пребудет с тобой, и ты снова вернешься в младенчество».

–5.

Что можно читать с любого места? Книги детства. «Валам олум», «Песнь о Гайавате», «Ара-ол масани», «Боги Древней Греции».

⁵ Ричеркар (*итал.* ricerca; от ricercare, «искать») – инструментальная форма, весьма распространенная в искусстве XVI–XVII в. Для нее характерен постоянный поиск (что отразилось в названии) возвращающихся тем и их места в общей структуре композиции. Данную форму можно считать предшественницей высокоразвитой фуги баховской эпохи.

⁶ Каббалистические понятия. Швират га-келим (*ивр.* «разбиение сосудов») – предшествующая появлению мира космическая катастрофа. Тикун (*ивр.* «исправление») – процесс космического восстановления и воссоединения того, что было приведено в расстройство и разъединение в результате швират га-келим.

⁷ Первоначальное единство, в котором бессознательно сочетаются мужское и женское. Символическим воплощением такого недифференцированного состояния в мире образов является уроборос.

⁸ Метафорическое существо, психическая персонификация, в которой мужское и женское начала удерживаются в сознательном равновесии. В образе андрогина, в отличие от нераздельного и нерасчленимого гермафродита, принципы мужского и женского сочетаются без слияния их характерных свойств.

Письмо как разматывание первоначального чтения, данного в детстве откровения, его уточнения и шлифовки. Расшифровка на протяжении всей жизни молитвы, прочитанной на ухо новорожденному.

–4.

Каждый миг человеческого существования может быть оценен одновременно как миг жизни, так и миг умирания. Хорошее стихотворение дублирует эту парадигму – оно пишется стираясь. Разрушение мандалы, блуждающее ци, недостроенный угол индуистского храма – пузырек воздуха в герметично закупоренной бутылке с водой.

Вода без воздуха тухнет. Как и Рыбы без Весов. Верить ли мне в «отношения 6–8»⁹ после того, как то, что бегло можно назвать судьбой, посылает мне четырех девушек, родившихся в один и тот же день, а именно 7-го октября? Считается, что у Рыб нет своей индивидуальности (как и у поэтов по Китсу), они – зеркало для других знаков зодиака. Считается также, что Рыбы больше не перерождаются, быть Рыбой – означает последнее кармическое воплощение. Подождем. Проверим.

–3.

«Нельзя называть поэзией стихи, если они не передают всеобщность совершенного покоя». Это мнение Луиса Зуковского, несомненно, перекликается с интенцией одного из теоретиков древнеиндийской поэтики Удбхаты, обосновавшего необходимость добавления к восьми существующим видам раса, то есть поэтического настроения (эротики, иронии, сострадания и пр.), еще одного, девятого по счету – спокойствия, ведущего к отречению от мира.

–2.

Любой текст, будь то газетная статья, стихотворение или роман, по самой своей сути символичен и интертекстуален, ибо такова природа слова – оно являет собой символ, отсылку к чему-то другому, предмету либо понятию, и, в силу этого, интертекстуальность. Вот в каком еще ключе можно понять высказывание АТД: «Поэзия – это всегда другое». Быть не поэтом, а точкой встречи. “Gövhəri laməkan mənəm” (Насими). «Я сущностная беспространственность». Вəqə/пребывать в неизменном состоянии – baqı/вечное, постоянное – Бог. Отсутствие, включающее в себя и Творца/Демииурга. Мы не открываем здесь Америки с пустынными улицами Нью-Йорка, мы перенаходим эйн-соф¹⁰.

–1.

Он отказался продолжать свой род. Став, таким образом, бесконечным.

0

Худая, невысокая, почти прозрачная вестница об иной жизни, которая разделила с тобой в дождливый вечер кров, пищу, кровь винограда и свое тело. «Выбери другого, – подумал ты. – Не того, кто спрятался в человеческом существовании». Но она была мила, совпадая с собственным именем, а ночь длинна и черна, словно ее волосы. Некогда вы приходились друг другу отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой. Об этом тоже писалось в Книге. Книга лежала одетой. Вы – обнаженными. Şıraq paşıq. Обожженная обнаженная глина. Вы

⁹ «В отношениях через 6-й – 8-й знак встречаются кармический должник и кармический кредитор. Пора платить по счетам. От этих отношений не сбежать. В любой точке Земного шара вас будут настигать мистические повторения Дней рождения, цифр, имен и т. д.» (Андрей Лавров).

¹⁰ Тоже из каббалы. Эйн-Соф (ивр. «Бесконечное») – название, данное в Каббале трансцендентному Божеству в Его чистой сущности. Это недоступный познанию Бог в Себе, вне связи с сотворенным миром.

читали друг друга шепотом, криком, позволяя Книге обрасти молчанием, обрести молчание. Изгнанники. В поте лица своего.

1.

– Учитель, в чем главное отличие женщины от мужчины?

– Женщина болеет, если не становится физической матерью, мужчина – духовным отцом.

2.

Ш.А. Бесконечно любимый наставник, *maestro di color che sanno*. Величие таких Учителей в том, что они вовсе не ищут в тебе недостатков и не пытаются слепить из тебя свою копию, а только одним им ведомым способом помогают тебе обрести собственную подлинность. Кроме того, каким-то чудом им даровано передавать самое главное невербальным образом, «от сердца к сердцу», каковым только и может быть передано это главное.

Одна из его книг называется «Двойной полдень». Ассоциации: двойное самоубийство влюбленных – синдзю (иероглифы «сердце» и «середина»); Клейст и Генриетта Фогель (в другом его сборнике «Медленное лето» есть стихотворение, которое так и называется «Клейст»); суфии, описывающие свои взаимоотношения с Богом в терминах «любящего» и «возлюбленного». Необходимость ежемгновенного умирания ради встречи с Извечно Живущим (Руми, умри в миру!). Восхождение к Нисхождению. Сердце бьется в середине, в этом «к» (Хайдеггер, «бытие-к-смерти»). Мое билингвальное сознание не удерживается от того, чтобы перевести этот предлог на азербайджанский и получить “doğru”, значащий кроме вектора «по направлению к», также и «правда». Не истина/ хакикат, но «правда» – и в этом благородный агностицизм автора. Лишь «улим хакк»¹¹, как гласит арабо-тюркская квантовая частица в одном из эссе «Двойного полдня». Ослепительный полдень смерти – момент истины между двумя мирами теней. Письмо классического Скорпиона (знак смерти), к тому же родившегося 1 ноября – в День Мертвых.

«— Учитель, ты ничего от меня не почерпнул, – сказал ученик.

– Я от тебя почерпнул то, чему тебя научил, – ответил учитель».

3.

То, что нейробиология открыла в веке 20-м, а именно взаимосвязь логики и речи, за которые ответственно левое полушарие мозга, уже всегда содержалось в арабском языке, где слова «логика»/“*mantiq*” и «речь»/“*nitq*” однокоренные. Как и «общение»/“*ün*” и «человек»/“*insan*”.

В исмаилизме проповеднику/*natiq* всегда сопутствует молчаливый-интерпретатор/*samit*. Так «в общении рождается физика» (Вернер Гейзенберг).

Все мы говорим об одном и том же, но каждый на своем языке. Язык содержит в себе всё, что было, есть и будет. Если бы все говорили на одном языке – это была бы стагнация, никакого обмена информацией, до чего человечество еще не доросло. Итак, векторы сходятся в центральной фигуре Переводчика/*Tərcüman*. Он же пророк, идеальное занятие которого *alver*¹².

Неуловимый момент перевода с одного языка на другой и есть момент истины, смысло-различительная пауза, отсутствие, смерть.

Всё остальное – правда.

*Tərcümançun hər gün – cümə, hər yer – camedir*¹³.

¹¹ Истина в смерти.

¹² *Alver* (букв. «получай-отдавай») – торговля, коммерция.

¹³ «Для Переводчика каждый день – это пятница, каждое место – это мечеть». Одновременно обыгрываются шуточные строки “*Nəg cümə/mən edirəm tərcümə*” («Каждую пятницу/я занимаюсь переводами») автора, чье имя я, к сожалению, запмятовал, и шиитский лозунг “*Nəg gün – Aşura, hər yer – Kərbəla*” («Каждый день – Ашура, каждое место – Кербела»).

4.

– Кто ты? – спросил учитель.

– Иудей ниже пояса, с крестом на спине, но сердцу отдано сердце мое, что бьется в связке с языком, выжигающим себя искрящимся самумом, – ответил ученик.

Он кристаллизовал для себя: “Məni səmi üç şey maraqlandırır: din, dil və del”¹⁴.

5.

Ислам определяется в Коране как «расширение (inşirah) сердца». (Мне нравятся эти одинаковые “şir” и «шир» в арабском и русском.) Кроме «расширения», слово “inşirah” имеет еще значение «объяснение, толкование» и семантически увязывается с “şərḥ”/«комментарий»¹⁵. Там, в Коране, говорится, например, что Бог «расширил нам сердце для приятия Ислама». Для понимания этих строк с точки зрения современности, в частности, психологии, можно попытаться подставить под «сердце» «сознание»/”şüür” (интересно, родственны ли этимологически “inşirah” и “şüür”?) и получить «расширение сознания» или, говоря иначе, психоделический опыт. Тут сразу же вспоминаются и исихасты с их практикой сведения ума в сердце, и суфии с их отношением к сердцу, как познающему органу. А на фарси «шир» значит «лев»; «каждый христианин должен иметь львиное сердце», как поют «Би джииз».

...брось камень в мой бездонный океан, чтоб расширение кругов на его поверхности достигло твоих берегов...

В Коране, к примеру, еще говорится, что Авраам, Моисей, Иисус были мусульманами и совершали намаз. Под «мусульманами» легко прочитывается просто «верующие». А как быть с намазом? Неужели они тоже совершали рукят, седжде и пр.? Возможно, тут нам на помощь должно прийти санскритское «намасте» (произошло от слов «намах» – поклон, «те» – тебе), в широком смысле означающее «божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в тебе».

Так обретается ноль, жаждущий принять разные оттенки.

Рага (санскр. «цвет, настроение») – “gāṅg” («цвет, окраска») в мугаме – “renk vermek” по-турецки «оживлять, окрашивать», «придавать смысл».

...гатэ, гатэ, парагатэ, парасамгатэ, бодхи, сваха... Меня восхищает миметический стиль (форма, дублирующая содержание) этой мантры из «Сутры сердца»: 1. утверждение; 2. его повторение; 3. расширение; 4. максимальное расширение, доводящее до другого берега; 5. покой; 6. его подтверждение

6.

“And if I told you that I loved you
You’d maybe think there’s something wrong
I’m not a man of too many faces
The mask I wear is one”

(также известен как Шахсей-вахсей) – у шиитов день поминовения имама Хусейна, убитого в 680 году в Кербеле. В пятницу мусульмане совершают джума намаз – обязательный коллективный намаз (джамаат намаз), совершаемый в соборной мечети, перед началом которого имамом проводится хутба (пятничная проповедь); также согласно мусульманским поверьям светопреставление произойдет именно в пятницу.

¹⁴ «Меня интересуют лишь три вещи: религия, язык и сердце».

¹⁵ И вправду, комментируя что-либо, мы это расширяем. Об этом хорошо у Мишеля Деги: «Для нас, ограниченных пределами, запертых – в смерти и в Солнечной системе – не существует иного выхода, кроме выхода через беспредельное, нам остается лишь “беспредельно” добавлять что-то к пределу, тем самым делая само предельное беспредельным» («Поль Целан, 1990»).

Sting. Shape of my heart

“She eyes me like a Pisces when i am weak”.

Nirvana. Heart-shaped box

В школе, класса с седьмого по девятый у нас сильно в моде были анкеты, своеобразные вопросники-ответники плюс пожелания в адрес владельца. Законодательницами были, конечно же, девочки, ну а потом, где-то в классе восьмом мальчики стали составлять серьезную конкуренцию. Лично мне огромное удовольствие доставляло не заполнение, а чтение предыдущих ответов в этих толстых тетрадах в клетку. Было так щекотно узнавать, кто кого любит и ненавидит. Да и смешного попадалось немало: при ответе на вопрос «Какие блюда вам нравятся?» класс разделился на хищников и травоядных – любителей шашлыка и столичного салата, лишь зубрила Салаева Нурана оказалась истинным homo sapiens и, продемонстрировав соответствующую эстетическую составляющую своей натуры, ответила: «Золотистые».

Оформлялись эти анкеты, как правило, одинаково: сердца, пронзенные стрелами и сочащиеся красной чернильной кровью. Довольно безвкусно. И даже сверхпопулярная в те годы жвачка “Love is...” не подслащала бочку дегтя.

Когда пару лет назад я узнал об одной из версий того, почему это графическое изображение сердца используется как символ любви, то был мягко удивлен и разулыблен. Голдино Пранзароне – профессор одного из колледжей в Вирджинии – проанализировал «важнейшие литературные свидетельства и гипотезы из мифологии и вторичных источников» и пришел к выводу, что символическое сердце – это женский зад.

Как пояснил исследователь в интервью Discovery News, греки особенно ценили в женской красоте именно зад. «Греческая богиня красоты Афродита была красива всеми частями тела, но особенно – ягодицами, – рассказал он. – Ее округлые формы настолько ценились в Греции, что в честь Афродиты Каллипиги – буквально Прекраснозадой – построили специальный храм. Вероятно, это было единственное в мире религиозное строение, посвященное воспеванию ягодиц».

Впрочем, Пранзароне заметил, что греческий символ любви не имел такой выемки сверху, не был сильно заострен снизу, и тем более не окрашивался в красный цвет. Исследователь предположил, что современный символ возник позднее, когда греческое начертание переняла католическая церковь. Тогда же графическое сердце было увязано с анатомическим, считает профессор.

7.

«...вещи уже существуют, нам нет нужды их создавать; нам нужно лишь уловить взаимоотношения между ними; и именно нити таких взаимоотношений образуют ткань поэтических и музыкальных произведений».

Малларме, интервью для «Эхо Парижа», 1891.

8.

Oğul, oxu atan kimi eşşək olma. В зависимости от местонахождения запятой меняется значение: запятая после “oxu” – «сын, учись, не будь ослом, как твой отец»; запятая после “kimi” – «сын, учись как и твой отец, не будь ослом». Не знаю, обращали ли внимание на еще один, эллиптический смысл этого высказывания... Oğul, oxu atan kimi [yaı gizlədib] eşşək olma¹⁶

¹⁶ «Сын, путив стрелу [не прячь лук], не становись ослом». Обыгрывается азербайджанская поговорка: “Oxu atib, yaı gizlətmə” (букв. «пустив стрелу, не прячь лук») – используется в значении «говори прямо, обходись без намеков».

– всегда ведь могут «спросить», если не растолкуешь, выйдешь «козлом». Əlbəttə, qardaş, yaza da bilməlisən, yoza da¹⁷.

Üstüörtülü altımənalı ifadələrdən haçansa can qurtara biləcəyikmi?¹⁸

9.

Со временем человек становится ответом на свои вопросы. Увы, или к счастью, поделиться им невозможно. Можно лишь написать: простое движение от «кто я есмь?» к «я есмь» и в итоге к « ». Усилия уходят на то, чтоб обойтись без кавычек. А также без точки

март, 2011

¹⁷ Эту фразу можно понять и, следовательно, перевести двояко: как «Конечно, брат, нужно уметь и писать и толковать» и, как «Конечно, брат, нужно уметь и писать и “писать”», то есть уметь проливать как чернила, так и кровь.

¹⁸ Опять же фраза предполагает двойное толкование: 1. «Сможем ли мы когда-нибудь избавиться от высказываний с двойным дном?»; 2. «Сможем ли мы когда-нибудь избавиться от герметичных шестизначных высказываний?». Видимо, трехмерное измерение, в котором мы живем, задает нам двухполюсный тройной смысл. Хотя, возможно, само трехъярусное строение нашего мозга обуславливает подобное струение. О таком устройстве мозга подробнее можно прочитать в книге Карла Сагана «Драконы Эдема».

Письмо Ларисе

Я пишу тебе это письмо (т.е. писал; времена и глаголы сменяют друг друга, так же как иллюзии) сидя в «*Çay və qəlyan aləmi*» – «Мире чая и кальяна». Будь я аргентинцем, прожившим большую часть жизни в Париже и работавшим переводчиком в ЮНЕСКО, аргентинцем, чей лучший роман параллелен (я решил из уважения к нему употребить это слово вместо «восходит» или «имитирует на свой лад») лучшему роману-тетралогии дерзкого англичанина, сбегавшего от Бог-знает-чего в Грецию и влюбленного в Александрию, то после предыдущего предложения я бы непременно добавил: «Видишь до чего мы докатились, лииисонька?». Но я – не он. Помнишь глупую песню, где в припеве многократно повторялось «но ты – не он, не он, неон...»? Свет в этом мире не очень ярк. Это меня успокаивает. Официант и чайханщик Дениз (его имя переводится, как Море) – мягкие одутловатые черты, в полупрофиль намекающие на оброненное по вине родителей ли? судьбы? в течение не очень благоприятных обстоятельств детство, изначальная неомраченность которого тем не менее услужливо преследует каждое его движение, – принес заказ: египетский чай с добавлением персикового сока и жареные ломтики ананаса. Я пришел сюда, в этот мир возле Украинского круга, прокладывая шаткий туннель в теле ветра: змея в змее, зигзаг в зигзаге. Пить чай и осознавать себя человеком пишушим небесприятно. Так написал бы бьеннский безумец. В прошлом году, во время первого приступа мне, кроме всего прочего, казалось, что я змей Уроборос и что должен сделать автофелляцию, дабы запустить мироздание и круговорот времени заново. Есть ли это одна из последних матриц, встроенных в нас? Дениз по образованию юрист, два года жил и работал в Италии, получал полторы тысячи евро, снимал однокомнатную на окраине за 450 и был счастлив. Все это он мне рассказал, когда я сидел здесь в прошлый раз, с отцом. Тогда же я уточнил у него значения слов *belle* и *bianca*. «Ломтики» создает уют, и я не могу отделаться от нескольких «припоминаний» (Р. Барт). Тут для предотвращения инерции требуется какой-то иной, несуществующий знак препинания, замененный самим этим предложением. Русская девочка Наташа, жившая в соседнем блоке. Уехала в Ростов. У нее дома мы рассматривали «Мурзилку», гибкие тела, складывающиеся в буквы, пили молоко и ели селедку. Прошлогодня весенняя нищенка, встреченная на одной из ответвляющихся от Площади фонтанов улиц, побиравшаяся мужа ради, но отказавшаяся от 50 манат, предложенных ей мною. «Не более одного маната каждый раз, когда будешь проходить отсюда». Соседка Аида – первая чужая представительница женского пола, забравшаяся ко мне в постель. После совместного повторения таблицы умножения и просмотра мультфильма. Черновласая зеленоглазая врачиха Тамилла, с которой я изменил Эсмер. Думал, что мщу ей за ее дружбу с неким Тимой. «Никогда не отталкивай меня», – сказала Тамилла после первого поцелуя в больнице №, где я в феврале 2006-го за неделю до своего дня рождения готовил документы, чтобы избежать призыва в армию. Через день я подарил ей дурацкого Уэльбека. Через два – переспали. «Мальчик мой, я кончила с тобой целых три раза! Что для тебя сделать?».

(...) Хочется, чтоб поскорее пришло лето – самое честное время года, когда вещи и люди предельно близки к идеальным состояниям. Перед самым приездом в Ташкент я сказал нанятой мною наборщице Бахар (ее имя переводится, как Весна), что ее присутствие за моим письменным столом вселяло уверенность в существовании чего-то очень важного, чему не хотелось бы давать названия и тем самым загонять столь необычное, уникальное чувство в рамки определенного общеупотребимого слова. Тот ли случай, лииисонька, когда любовь любит любить любовь? Еще не заняв свое место в самолете я подготовил sms, который хотел послать ей из Бухары, куда должен был отправиться со всеми фестивальными, но не смог, точнее, не захотел и был абсолютно счастлив остаться на три дня в одиночестве, в Ташкенте, в тебе. Я читал тебе, помнишь? «Сейчас, в Бухаре, пропитанной полуденным зноем, от которого

вещи и люди мнятся лишь иллюзией, больше всего я охвачен не спасительностью этого места и времени, способствующими забвению самого себя, своего имени, а заглазными вспышками: бытие сосредоточилось во врезавшихся в мои глаза твоих волосах и глазах цвета бухарского солнца, и сейчас я верю только в них». Ложь ли это? Сентиментальность? Постепенно входящая в руку литературность? Фрагмент любовного дискурса? Подошел Дениз подогреть мой чай. Его скорбные плечи, печальные пальцы. В одной из поздних работ Барт пишет, что «“я люблю тебя” это всегда шантаж одного субъекта другим за исключением того случая, когда получателем является Мать и Бог и того чудесного случая, когда два “я люблю тебя” могут быть изречены одновременно».

Продолжение приведет к одолжению.

«Слеза катится обратно в свой глаз», лииисонька, и хочется жить, обходясь лишь двумя словами: «красиво» и «бело».

Fri, 06 Feb 2009

Одно из многих

Лишь однажды я был свидетелем искренности Т., взявшего меня в один из совместных дней на ахмедлинское кладбище проведать могилы усопших своих родителей, уважаемых длящимся мусульманоязыческим сыновним почтением. Лишь единожды ушам моим посчастливилось услышать искренние слова, пущенные губами Т.: «Если бы хоть кто-нибудь из них был жив...»

Дед Хусейн не дожил до разветвления рода. Бабушку Гюльсум помню смутно. Жила на втором этаже, зримо являя свое главенство среди подневольных. То ли вправду любила меня, то ли переманить хотела: взяла однажды к себе с ночевкой, показывала всякости, привезенные из (хочется Ширази, но надо Тебриза) Тебриза, диаскоп, куда вставлялись слайды. Спали в одной постели, не сладко и не до утра, я проснулся и необъяснимо укусил ее за нос. Помню фразу, нередко озвучивал у любимых маминых родственников – *xalanənbabadaydaygil* – но по их ли подсказке, наущению, или сам дошел мышлениш? – фраза эта удалена при перечитывании.

Рядом с Хусейном и Гюльсум покоится внук их Пэрвиз – сын Раи и добродушного Новруза с истлевшей, ибо тоже мертв, внешностью Жана Рено, чьи южные, обкуренные черты кажутся мне идеальными. Молодое тело советского десятиклассника Пэрвиза искорежила вусмерть автокатастрофа. «Ничего, пусть побудет с нами», – укрощал он оскал братьев, младших, чем он, старших, чем я, когда сверху был ниспослан приказ выкопать яму в заднем дворе, обители мокриц. Это всё, что от него осталось у меня.

Распахнулись ворота, и повалил обрастающий брадою люд окружить, вознести свежеомытое тело; проседь, груда поверженных образов и воздух, испещренный мушиным полетом. Чья-то нога задела ведро, когда в соседнем дворике зазвонил телефон. Но перст обращался в персть. Ведро упало на проросший сквозь асфальт подорожник и выставило солнцу кружок пустоты, безупречный, блестящий ноль. Вылилась вода, покоившаяся на дне, в овальной лужице раскрылся фрагмент сочного облака, уже целиком уместившегося в квадратном ховузе у скрипучей лестницы, ведущей на второй этаж. Нутрянной женский плач, будто сама матка плакала по ненасыщенному днями первенцу, чье парфянское имя покидало материнское горло, пройдя череду трансформаций, и казалось, прозвучи последний слог на секунду дольше – он воскреснет и обнимет пришедших нежной улыбкой. После похорон я, перманентный беглец, малолетний знаток тайных троп, повел к кладбищенской стене его родного брата, с которым глубинно, через сперму, породнился десятилетие спустя на надцатом этаже пропахшей вязкостью гостиницы «Баку», где мы, за неимением приличных денег, вникли в одно и то же. Он первым по праву старшинства. В ожидании своей очереди я подходил к тоскующим по клиентам, заработку таскухам в надежде исполнить замусоленное перед погружением в сон желание. Узнав, в чем дело, платницы пятились в возмущении: «Что? нет-нет, ты с ума сошел». С интересом приближались только что вышедшие из крохотных, как потом убедился, номеров (кровать, тумбочка, пыльный коврик, вид из окна) удачливые напарницы, на ходу раздумывая, на каком из синантов¹⁹

¹⁹ Синанты (от синонимы + антонимы) – класс слов, относящихся к сфере идеологии («свой/чужой») и понятию нормы («приемлемое/неприемлемое»), отсылающих к одному и тому же объекту, принимающему положительные либо отрицательные качества в зависимости от желания говорящего. Например: «народ – толпа/чернь»; «свобода – анархия»; «революция/реформа – мятеж/бунт/смута»; «шпион – разведчик»; «дезертир – пацифист» и т. д. Анекдот по теме: « В кабинет сексопатолога заходит пролетарского вида мужчина: – Доктор, я испытываю тягу к мужчинам... Это значит, что я гей? – Вы художник? – Нет. – Вы поэт? – Нет. – Может, композитор? – Нет-нет, я слесарь... – Ну, дорогой мой, это значит, что вы не гей, а самый настоящий петух».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.